

Ростислав Владимирович Ищенко
Крах Украины. Демонтаж
недо-государства
Серия «Информационная война»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9427936

Ростислав Ищенко. Крах Украины. Демонтаж недо-государства: Яуза-пресс; Москва; 2015

ISBN 978-5-9955-0770-3

Аннотация

Эта книга выносит приговор не только Киевской хунте, но и всему мертворожденному «проекту Украина». Это – гвоздь в гроб ущербному недо-государству, по воровству и бесчеловечности переплюнувшему даже ельцинскую РФ. Это – вся правда о том, как «свидомые» нацисты промайданили страну, променяв одних воров на других и добровольно став холопами Европы. Это – пощечина бандеровским манкуртам, продавшим первородство и многовековое братство за иудины сребреники.

Содержание

Глава 1. Почему нет!	5
Глава 2. Почему да!	15
Глава 3. Я русский!	25
Глава 4. Никогда не сдавайся!	34
Глава 5. Лучше с умным потерять...	41
Глава 6. Желания и возможности	56
Глава 7. Ищущий обрящет	66
Глава 8. Формула власти	75
Глава 9. Цена ошибки	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Ростислав Ищенко
Крах Украины. Демонтаж
недо-государства

© Ищенко Р.В., 2015

© ООО «Издательство «Яуза-пресс», 2015

Глава 1. Почему нет!

Отсутствие вопросительного знака в заголовке – не опечатка. Это не вопрос. Это утверждение. Украина не состоялась как самостоятельное государство и никогда уже не состоится. Для кого-то это трагедия, для кого-то – надежда. Многие ждут и уже устали ждать, разуверились в том, что этот политико-географический фантом когда-нибудь рухнет. Многие продолжают верить в чудо и надеются, что каким-то дивным способом государство, не нужное собственному народу, все же спасется.

Конец проекта Украина разочарует и тех, и других. Это государство безусловно исчезнет. Хотя точную дату не могут назвать ни провидцы, ни ворожеи, ни «астропсихологи», ни прочие шарлатаны. С равным успехом исчезновение может состояться через месяц, год, десять лет. На самом деле страны нет уже – есть территория и население, существуют остатки экономики, имитируют некую деятельность жалкие пародии на институты государственной власти, но государства, как такового, нет. И никогда не было.

Украиной формально управляли четыре президента. Последний управляет до сих пор. Ни один из них не выполнил свои предвыборные обещания. Каждый меньше чем через год после выборов публично признавался, что и не собирался их выполнять. Политические силы (якобы партии), под-

держивавшие данных кандидатов, не стеснялись элементарную ложь (признание в обмане избирателей) именовать высшей политической мудростью.

Лидеры этих так называемых партий, депутаты парламента, министры, политики, все те, кто был известен народу и обладал авторитетом в глазах какой-то группы избирателей, на следующий день после того, как очередная посредственность становилась главой государства, начинали перед ней пресмыкаться. Тем самым они демонстрировали, что они не политики и не политические силы. Никакой президент не может править без опоры на лидеров общественного мнения. Это не он нужен им, а они нужны ему. Потому что каждый из них выражает интересы значительной группы избирателей, и публичный разрыв с таким человеком означает потерю поддержки ориентированного на него электората.

Заблуждение считать, что поддержка избирателей нужна политикам лишь в момент выборов. Президент с кефирным рейтингом может быть в любой момент свергнут. Он не интересен окружению – у него нет будущего. Потенциальные заговорщики знают, что его никто не будет защищать. Наконец, борцы с «тиранией» получают возможность свалить на свергнутого (часто и убитого под шумок) «тирана» все экономические проблемы. Они на достаточно большой срок легитимизируют свое правление без всяких выборов. Потому, что они «революционеры», а революция – удачный переворот, легитимизирующий власть своих авторов через на-

сильственную делегитимизацию предыдущей политической системы. Право на применение насилия к оппонентам «революционеры» получают потому, что они уже один раз удачно применили насилие к предыдущей власти. Гильотина начинает работать с увеличивающейся скоростью, так как ее остановка означает переход к нормальной нереволуционной системе правления, влекущей за собой ответственность «революционеров» за совершенные во имя революции преступления.

Но украинские «политики» не понимают прямой зависимости главы государства от их поддержки. Причем эта зависимость тем больше, чем больше полномочий сконцентрировано в руках президента, чем ближе власть по форме к диктатуре. Это демократия может существовать, опираясь на поддержку меньшинства. Диктатура, хоть Бонапарта, хоть Сталина, хоть Гитлера, хоть Франко, хоть Пиночета может существовать, лишь опираясь на поддержку большинства населения.

Диктатура Муссолини в Италии закончилась до окончательного военного поражения, и вчерашний всемогущий диктатор был свергнут своими соратниками в тот момент, когда стало ясно, что он полностью утратил авторитет и поддержку населения и уже не может служить «крышей» для поделщиков.

Непонимание украинскими политиками своей роли в политике ведет к непониманию сущности политики как тако-

вой. Результатом становится сакрализация должности президента – размещение задницы в главном кресле страны чудесным образом способствует интеллектуальному росту ее счастливого обладателя. Только это преобразование посредственности в гения замечают почему-то лишь чиновники и исключительно украинские.

Этот культ кресла не так безобиден, как кажется. Вся система управления, весь государственный аппарат (за исключением отдельных слишком порядочных личностей, случайно, по недосмотру не разорванных стаей вовремя) ничего не делает в ожидании сакральных указаний «живого Будды». А после того как «Будда» изрекает что-то, написанное анонимными советниками и в 90 % случаев вовсе непонятное неокрепшему президентскому разуму, госаппарат заявляет: «У нас нет дискуссии, у нас есть решение, Президент уже объявил свою волю». В большинстве случаев объект президентской «воли» находится в компетенции парламента или правительства, но это им не мешает кивать именно на президента.

Не знаю насколько неадекватным надо быть, чтобы ежедневно выслушивая дифирамбы своей гениальности, принимать их за чистую монету, но мне кажется, что даже ребенок пяти лет, способный сложить два и два, может понять, что если у нас в стране «реформы президента имярек», то имярек и несет всю ответственность за последствия реформ. И если Кравчуку, Кучме и Ющенко удалось ограничиться

лишь ответственностью моральной (пока), то не факт, что так будет всегда.

Концентрируя всю власть и ответственность в должности президента (независимо от его имени) политики множат на ноль не только себя, и не только государственный аппарат, но и политические партии. На двадцатом году независимости в стране, которая всем уши прожужжала о своей демократичности, в которой зарегистрировано под двести партий, нет ни одной политической силы, которой бы верил избиратель. Это тоже результат неспособности политиков и партий заставить президента, как главу (всего лишь главу, а не воплощение) государства реализовывать программы тех сил, которые его поддержали на выборах, которые аккумулировали для него голоса избирателей. Если одни и те же люди несколько избирательных циклов подряд продают избирателю тухлый политический товар, то ряды покупателей тухлятины стремительно редеют.

Сегодняшнее украинское государство это один временно довольный (находящийся на вершине пирамиды) и миллионы недовольных (в большей или меньшей степени). Но может ли существовать страна, стремящаяся к полному слиянию с единственным человеком, волею случая и на время вознесенным на высшую должность?

Не может. Один человек, поставленный вне и над политической системой, чьи решения диктуются лишь уровнем его эгоизма, да случайным мнением контролирующих доступ к

телу советников, не способен отвечать надеждам и интересам граждан.

Именно поэтому, все президенты Украины, с завидным постоянством в считанные месяцы после избрания превращались из любимцев публики в страшных «бабаев», которыми только что детей не пугали. Сторонники разочаровывались в них, поскольку они сразу же заявляли, что не намерены реализовывать предвыборную программу, а противники лишний раз убеждались, что правильно отказали в доверии ничтожеству, которого уже ненавидят даже те, кто за него голосовал.

Итак, украинская система власти не просто несовершенна – она успешно справляется только с одним родом деятельности – с уничтожением страны. Но ведь общество постоянно воспроизводит эту систему. Кравчук, Кучма, Ющенко и Янукович – совершенно разные люди, но совершенно одинаковые президенты. А сторонникам Тимошенко, когда те пытаются указать остаткам электората регионалов на полное несоответствие Януковича-президента Януковичу-кандидату, совершенно резонно указывают на то, что «Юля поступала бы также».

То есть у народа есть запрос именно на такую систему власти. Почему? Потому что она не мешает разворовывать страну. Кто-то крадет завод, а кто-то болт с этого завода. Кто-то берет взятку миллион, а кто-то в двадцать гривен, но психология одна у всех. Олигарх, укравший несколько заводов и

гордящийся тем, что на часть наворованного он что-то построил на своей малой родине, наивно полагает, что когда на Украине станет нечего воровать и все рухнет, он переберется жить в Швейцарию или Францию, а капиталы у него не конфискуют, потому, что он не Мубарак и не Каддафи. Но и учитель, берущий деньги «на ремонт класса» и паспортистка, принимающая «презент» за исполнение своих обязанностей, и студент, считающий, что государство должно обеспечить бесплатное высшее образование, а теперь уже и аспирантуру для всех желающих, независимо от уровня знаний и возможностей (а даунов обеспечить льготами при поступлении, поскольку «они же не виноваты, что дауны») тоже массово мечтают об «интеграции в Европу» потому, что «там немцы хорошо живут».

Прочтите на любом форуме в «Интернете» аргументы среднего «европоцентриста». Это звучит примерно так:

«Я был (была) в Португалии, Испании, Германии, Италии (возможны варианты). Там люди хорошо живут, и я так хочу, поэтому «иду в Европу». Вариант: «У них демократия, и я так хочу». Будто бы невдомек, что всего пять европейских стран каких-то полтора-два десятилетия назад владели тремя четвертями мира. Африка освободилась из колониальных объятий демократического мира на памяти ныне живущего поколения. О процветании и демократии там не слышно. А ведь многие африканцы обладают (обладали) возможностями, о которых украинцы могут только мечтать. До последних по-

пыткок ужесточить иммиграционное законодательство жители бывших колоний могли запросто приехать в бывшую метрополию и стать гражданином страны-члена ЕС.

Фактически украинцы открытым текстом заявляют, что на этой территории их удерживает лишь желание нажать немножко добра за счет ресурсов территории и интересов сограждан, а жить они собираются в другом месте. Может ли существовать страна, в которой половина населения мечтает поменять родину на колбасу (как когда-то пытались поменять СССР)? Не может.

Не может еще и потому, что оставшаяся половина не желает жить в той стране, в которой живет, а хочет переделать эту страну и ее народ под свои представления о прекрасном. Для меня победа националистов – хуже утраты суверенитета. Понятно ведь что я выберу, если придется сделать выбор. Но и для националистов победа не их Украины хуже распада. Тягныбок и Андрухович, рассуждая о возможности суверенизации части Украины, которую они считают украинской, то ли в рамках Галичины, то ли без Крыма и Донбасса выражали позицию значительного большинства украинствующего электората, готового поступиться чем угодно, лишь бы попасть в «свидомый» рай, где все ходят в вышиванках, разговаривают исключительно на галицийском диалекте, почитают коллаборационистов героями и люто ненавидят Россию.

То есть та часть украинского общества, которая еще связывает свое будущее с этой территорией, в значительной

степени готова отказаться от атрибутов государственности в обмен на свою формальную победу над идеологически-ми оппонентами. При этом «украинофилы» готовы торговать суверенитетом активнее «украинофобов», поскольку без внешней поддержки в условиях формальной демократии проигрывают любые выборы из-за своей ограниченной численности.

То есть две основные группы украинских избирателей готовы отдать всю власть и все простить любому президенту, если он демонтирует украинское государство в их интересах. Первая группа желает побольше украсть и подальше свалить, вторая – вычистить территорию от идеологических оппонентов. Государственность здесь вторична. Поэтому все президенты, в меру своего таланта, и реализуют программу демонтажа Украины, потихоньку приватизируя демонтируемое. Иначе и быть не может. Поставьте человека сторожить склад с тушенкой и предупредите его, что через неделю всю тушенку уничтожат – он украдет столько, сколько сможет унести. И правильно. Зачем же добру пропадать?

Кстати, напоследок о языке. Украинствующие любят утверждать, что нет государства без языка. Я так не считаю, но они в это свято верят. Так вот, украинского языка нет. Полтавский диалект украинствующие в качестве литературного языка не признают, а галицийский они еще окончательно не сформировали и не внедрили в сознание даже «свидомых» масс, несмотря на все усилия телеканала СТБ. «Свидомых» масс, несмотря на все усилия телеканала СТБ. «Свидомых» масс, несмотря на все усилия телеканала СТБ.

мый» украинец, как правило, говорит на суржике. Может ли существовать государство, «патриоты» которого не владеют родным языком, за который ведут борьбу на грани гражданской войны? Вопрос риторический. Суржик – свидетельство безграмотности и бескультурья, а без культуры нет народа, без народа же нет государства.

Потому-то нет! И не будет украинского Путина. В России государственный был востребован – и он появился. На Украине востребованы лишь организаторы дерибана. Они-то и реинкарнируются у власти все в новых образах.

Но неразворованное подходит к концу. Осталось только попытаться повыгоднее реализовать суверенитет. Потому-то так и обострилась борьба в «элите». Реализовать этот товар вместе не выходит. Реализатор должен остаться один.

Глава 2. Почему да!

«Патриоты» не умеют отличить государство от территории, страны и народа. Им невдомек, что в Российской империи и в СССР территория и народ (страна) были одними и теми же, а государства различными. Для «патриотов» государство является высшей ценностью, даже если, как современное украинское, ориентировано на ликвидацию собственного народа и «утилизацию» материальных ценностей, включая территорию. «Патриот» не понимает, как можно не любить государство. Вернее, «патриот» и здесь страдает раздвоением личности (это нормальное состояние «патриота»).

Он чудесно понимает, как можно не любить любое соседнее государство. Некоторые «патриоты» доходят до такой степени «свободомыслия», что осмеливаются не любить не только Россию, Израиль или Китай, но даже страны ЕС (кто скопом, кто конкретные) или (страшно подумать) сами Соединенные Штаты Америки. Но как только «патриот» слышит, что кому-то не нравится украинское государство, он начинает биться в падучей, призывая на головы «нэсвидомых» самые страшные кары. «Патриоты» бывают трех типов: 1. Галичане. Эти считают себя единственно правильными украинцами. При этом профессионально умеют делать только две

вещи: любить Украину и ненавидеть всех, кто не разделяет их взглядов на жизнь. Оговорюсь, среди галичан встречаются нормальные образованные люди, а среди жителей иных регионов Украины попадаются не знающие ни одного языка, не компетентные ни в одном вопросе, но обо всем имеющие свое (ни на чем не основанное, но единственно верное) мнение «патриоты». Однако «патриоты» этой породы компактно сконцентрированы именно в Галичине. Их там 9/10 всего населения. Не будем тратить время и место для выяснения исторических, политических и социальных причин данного явления. Просто констатируем факт. 2. Иноэтнические «патриоты», приобретшие украинскую резидентность в первом-втором поколениях. Эти грузины, пуштуны и прочие шведы почему-то несут «свет демократии» и «патриотические ценности» не своим соплеменникам, а стремятся «осчастливить» аборигенное население Украины. 3. Русскоязычные «патриоты». Эта группа вплотную примыкает ко второй и отличается лишь тем, что эти-то живут на Украине в десятках поколений, а в городах центральной ее части предки русскоязычных «патриотов» появились даже раньше великих галичан. «Патриотизм» данного пошиба – особая форма садомазохизма, которая, к сожалению, не лечится.

Галичане считают себя единственно правильными украинцами. При этом профессионально умеют делать только две вещи: любить Украину и ненавидеть всех, кто не разделяет их взглядов на жизнь.

Например, моя однокурсница, девочка из интеллигентной семьи, потомок поляков и евреев, чьи предки жили в Киеве всегда, вполне успешный состоявшийся человек, оба мужа которой (первый и второй) этнические русские, семья которой кроме как по-русски никогда не говорила и говорить не будет, деньги зарабатывающая в структурах, связанных с одним известным «регионалом», которым «патриоты» непослушных детей на ночь пугают, в 2004 году заболела оранжизмом и стала «патриоткой» по принципу «Потому, что я здесь живу».

Она продолжала поддерживать Ющенко и в 2007 году, когда уже даже его самым недалеким последователям стало ясно, что он – крупнейшее ничтожество украинской политики. «Потому, что патриот и хочет в Европу». Она стала убежденной русофобкой. «Потому, что в России нет демократии, и вообще они нас обижают». Она даже считает, что украинский должен быть единственным государственным, и всей семьей регулярно посещает всякого рода расово правильные фестивали «патриотов».

Почему? Потому что не отделяет государство от страны. Жила в СССР – собиралась вступать в КПСС. На Украине стала этно-«патриоткой» (не знаю только, считает ли она Шухевича героем и уверена ли, как многие «патриоты», что евреи сами спровоцировали Бабий Яр, чтобы испортить репутацию «цивилизованных» фашистов и их местных поделщиков). В Германии в 30-е она бы вступила в НСДАП, в Ита-

лии была бы поклонницей дуче и т. д.

Среди «патриотов» такого разлива я знаю бывших офицеров КГБ – этнических русских, родившихся и выросших в России. Всем нам известны и бывшие партийные советские деятели, генералы Советской Армии и спецслужб, в один момент ставшие убежденными «патриотами». Их я называю украинствующими.

Если патриоты галицийской формации иногда, особенно когда чувствуют свою слабость, готовы к цивилизованному разводу, с тем, чтобы построить «украинскую Украину» у себя в Галичине, то украинствующие принимают государство только в существующих границах и не готовы ни на какие уступки. Очевидно, на уровне подкорки понимают, что, один раз коллаборировав, они уже никогда не будут восприниматься русским миром в качестве полноправных членов – люди к ним все равно будут испытывать недоверие, как испытывали недоверие, презрение и ненависть к бандеровцам и власовцам, честно отмотавшим свой срок в лагерях и вернувшимся домой. Вроде и поражения в правах не было, но и полноценными членами общества назвать их было нельзя.

Так вот, я хочу объяснить, почему украинствующие и прочие разновидности «патриотов» лгут, когда утверждают, что каждый честный человек обязан любить украинское государство просто по факту проживания на его территории и всячески эту державу поддерживать во всех ее глупостях и подлостях, совершаемых как по отношению к собственному

народу, так и к соседям.

Государства не вечны, хоть некоторые и существуют довольно долго. Более того, не вечны и народы. Вечно лишь человечество. В людях, живущих на Украине, течет и славянская, и тюркская, и монгольская кровь, и венгерская, и скифская, и сарматская, и другие.

Во-первых, государства не вечны, хоть некоторые и существуют довольно долго. Более того, не вечны и народы. Вечно лишь человечество. В нас, людях, живущих на Украине, течет и славянская, и тюркская, и монгольская кровь, и венгерская (угро-финская), и скифская, и сарматская (иранские) и другие. Многих народов, оставивших нам свои гены, уже нет. Государства других – распались. Третьи продолжают активную этническую и политическую жизнь, и все они присутствуют в нас. Таким образом, преданно любить то или иное государство только за то, что оно есть, и считать, что если оно исчезнет, то мир перевернется – верх глупости. Государство – лишь более или менее эффективный аппарат насилия, регулирующий отношения между людьми на подведомственной территории (площадь которой может динамично изменяться как в сторону увеличения, так и уменьшения).

Государство может надежно и прочно существовать, рассчитывая на долголетие, лишь в том случае, если оно отвечает интересам большинства людей, территорию населяющих (независимо от их этнической принадлежности). Если государство интересы (экономические, политические, идеологи-

ческие) населения или его части защищает плохо или не защищает вовсе, оно теряет устойчивость, и население либо меняет правящий слой на более адекватный, либо меняет страну проживания, либо вообще ликвидирует государство и передает его полномочия кому-нибудь из соседей. Поэтому количество государств на планете постоянно меняется (они сливаются и распадаются). По этой же причине мексиканцы массово бегут из «родной» Мексики в «чужие» США, а гордые укры – в Португалию, Италию, Россию. Кстати, судя по темпам роста безработицы в охваченном кризисом ЕС, скоро миллионы наших «европейцев» вернутся домой.

Украинское государство в целом, а в особенности то, которое пытаются построить «патриоты», интересам большинства населения не отвечает. Следовательно, любить и беречь его я не обязан. Более того, каждый порядочный человек должен постараться изменить данное государство и, очистив его от «патриотической» шелухи, сделать адекватным запросам населения. Подчеркну, не население для государства, а государство для населения.

Во-вторых, среди сегодняшних «патриотов» много тех, кто активно разрушал советское государство. Но если государство является высшей ценностью, то они не имели права стремиться к его разрушению. Если же они могли добиваться развала СССР только потому, что им он не нравился, то и я имею право стремиться к ликвидации Украины только потому, что мне она не нравится. В политике вообще крайне

силен эффект бумеранга. Если кто-то не желает учитывать мои интересы потому, что сегодня он сильнее, то завтра я могу оказаться сильнее и пренебречь его интересами. Если Чорновил – герой потому, что боролся против СССР, то и борцы против украинской государственности – герои.

В политике вообще крайне силен эффект бумеранга. Если кто-то не желает учитывать мои интересы потому, что сегодня он сильнее, то завтра я могу оказаться сильнее и пренебречь его интересами.

Более того, люди, считающие, что украинская государственность может быть спокойно ликвидирована – куда порядочнее борцов с СССР.

Во-первых, так называемые антиукраинские силы действуют исключительно в рамках Конституции и законов, в отличие от сил антисоветских, нарушавших законы тогда, нарушающих сейчас и лгущих на каждом шагу, лишь бы мертвой хваткой вцепиться во власть, которой к тому же и пользоваться не умеют. Нам не надо нарушать закон. Мы составляем большинство и можем ликвидировать государство простым голосованием.

Во-вторых, декларируемая цель «нэсвидомых» – защита интересов народа (в первую очередь экономических). Проще говоря, народ подался в независимость за колбасой. С колбасой не сложилось. Народу предлагают вернуться туда, где колбаса была. Колбасы народ хочет. А вот будет ли колбаса в независимой или в зависимой Украине и от кого зависимой и

вообще в Украине ли, народу все равно. В то же время «патриоты» пытаются защищать мифические интересы государства от народа, пеняя последнему тем, что он хочет жить если не очень хорошо, то хотя бы не очень плохо.

Могут ли цвет государственного знамени, слова гимна, форма герба, идеология правящей партии превалировать над необходимостью строить детские сады и школы, давать качественное образование, обеспечивать медицинскую помощь, создавать нормально оплачиваемые рабочие места и т. д.? Кому нужно государство, озабоченное только голодомором и «героизмом» Шухевича?

Четыре президента правили Украиной? Хоть за одного не стыдно? Хоть один понимал, чем он занимается? Хоть один представлял себе конечный результат своих действий? А планировал ли хоть кто-то из них хоть какой-нибудь результат? Не плыли ли они все по течению, беспокоясь лишь о возможности переизбраться на второй срок и рассчитывая, что за деньги некие волшебные политтехнологи их все равно переизберут?

Путин не изжил бюрократизированность и коррумпированность госаппарата. Путин не сломал выстроенную при Ельцине авторитарную систему власти. Путин не сумел, пока, выстроить эффективную партийную систему. Но Путин работает системно по всем этим направлениям.

Путин третий раз будет президентом России. Двенадцать лет правления и высший рейтинг в стране – выдающийся

результат. Говорят, он авторитарен. Ну, конечно, он вообще тоталитарист. Это у демократа Ельцина все телеканалы проводили политику первой семьи страны, а у тоталитариста Путина работают суперопозиционные RTVI, Ren TV, вещает «Эхо Москвы», руководитель которого Венедиктов, несмотря на свою оппозиционность, пользуется поддержкой Путина, назвавшего его недавно «национальным достоянием». Это демократ Ельцин палил в центре Москвы из танков по парламенту, тоталитарист Путин с парламентом работает в рамках закона. Это у демократа Ельцина уровень жизни населения, при уже выросших и продолжавших расти ценах на энергоносители, был ниже, чем на Украине, а страна трещала по швам. «Коррупцированный», «тоталитарный» режим Путина восстановил управляемость, возобновил нормальное финансирование оборонки, образования, медицины.

Путин не изжил бюрократизированность и коррумпированность госаппарата. Путин не сломал выстроенную при Ельцине авторитарную систему власти. Путин не сумел, пока, выстроить эффективную партийную систему. Но Путин работает системно по всем этим (как и по множеству других) направлениям. Ломать— не строить. Системная работа потому и медленна, что она системна. Варвары приходят и уходят, а Поднебесная вечна. Если работать на результат, а не на пиар, то спешка вредна. Кстати, как показывает опыт того же Путина, народ ценит работу на результат, и рейтинг растет (или не падает).

Я не призываю любить Путина. Для меня он одной крови. Для кого-то чужд и непонятен. Но я уверен, что, в отличие от украинских президентов, Путин понимает, чего он хочет для своей страны и народа, знает последовательность шагов, которые необходимо совершить, чтобы достичь цели, и продвигает свой караван, несмотря на лай. Главное же, его видение будущего страны совпадает с видением большинства граждан. Поэтому он популярен.

Любой государственный деятель, желающий достичь результата, обречен действовать так же. Если эффективно работать научатся украинские «вожди», у них исчезнет страх перед Россией. Сегодня они боятся не мифических «имперских амбиций Кремля». Они боятся, что народ, получив возможность сравнить эффективность украинского и российского государств, выберет последнее, и они останутся не у дел. А народ, как я писал выше, имеет полное право отказаться от услуг неэффективного государства и взять на службу иное (например, соседнее).

Глава 3. Я русский!

В моем роду в примерно равных пропорциях смешались поляки с великороссами, а малороссы с белорусами. Как минимум пятое поколение моей семьи живет в Киеве. Ощущаю я себя русским.

Не потому, что я родился, вырос и получил образование в стране, которая простиралась «от Варшавы до Японии и от Белого моря, до Черного». Не потому, что в этой стране родились, жили и умерли десятки поколений моих предков. Не потому, что эта страна называлась Русь, Россия, с кратким перерывом на Советский Союз. Не потому даже, что с детства я воспитывался в рамках именно русской культуры, а русский язык был моим родным. Хотя и поэтому тоже, но не в первую очередь.

Я русский даже не благодаря исключительно украинским националистам. Скорее, я должен быть признателен за это политическому «оранжизму», среди адептов и проводников которого отметились не только украинец Порошенко, но и грузин Жвания, и еврей Червоненко, и более чем интернациональная Тимошенко, и многие-многие другие, в том числе граждане России.

Жители Украины точно таким же образом делятся на русских и «европейцев», как жители собственно России. О других постсоветских и постсоциалистических странах в дан-

ном контексте говорить не будем, чтобы не множить сущности без необходимости и не объяснять, что таджик и грузин, чех, серб и даже венгр могут на самом деле быть русскими по духу, как может быть «европейцем» и «демократом» ливиец, член Аль Каиды, живущий по законам шариата, только потому, что он воевал против Каддафи.

В 1992 году распался Советский Союз – социалистический вариант Российской империи. С этого момента и до 2004 года мы могли стать украинцами – политической нацией русских, живущих на бывшем южном пограничье империи. Как стали швейцарцами и австрийцами немцы, жившие на южном и восточном пограничье Священной Римской империи германской нации. Не было ничего невозможного в создании трех, и даже более, русских государств, активно конкурирующих друг с другом, и даже не всегда мирно. Ведь и Австрия с Пруссией воевала чаще, чем с Россией.

Мы ничем, кроме общей истории и общих воспоминаний не были связаны с современной Россией. Так у нас и с Польшей было без малого триста-четырееста лет общей истории. В конце XX века Киев, как и Москва, начинал с чистого листа. Формальная международно-правовая преемственность по отношению к СССР не отменяла того факта, что вновь создающиеся государства лишь пытаются сформулировать цель и смысл своего существования.

Население проигравшего «холодную войну» советского лагеря не без пиетета относилось к «европейским ценно-

стям», всерьез верило в возможность «шведского социализма», на основе «конвергенции двух систем», почти не сомневалось в том, что США и НАТО сорок пять лет боролись с «советской угрозой» «свободному миру», что современный капитализм = «общество всеобщего благоденствия». Да много еще в чем не сомневалось население. Говоря «население», я говорю о большинстве. Понятно, что были и другие, что было их довольно много, но был, как сейчас говорят, «тренд».

Мы могли двинуться по расходящимся дорогам, пытаюсь выстраивать благополучие свое и своих семей в разных государствах, постепенно становясь разными нациями. Этому движению «от России» способствовала политика ползучей украинизации, проводившаяся в кучмовское десятилетие. Гуманитарная сфера постепенно переводилась на «национально-сознательные» рельсы, но это практически не касалось привычной среды обитания миллионов простых людей.

Наиболее сообразительным было ясно, что наши внуки будут уже другим народом. Но тысячу лет назад не было англичан, а были кельты, саксы, датчане и норманны, в разное время поселившиеся в Великобритании и долго резавшие друг друга. А потом они слились в один народ. А когда-нибудь этого народа не будет, а будут другие, выросшие из него, как уже выросли австралийцы, новозеландцы, канадцы, американцы. Как есть Пруссия, но давно нет давших ей назва-

ние пруссов – люди есть, народа нет.

В общем, медленно, естественным путем, формировалась новая нация. И этому формированию даже не особенно мешало желание украинских советских поэтов и писателей иметь в независимой стране такие же тиражи, какие они имели в УССР. Попытки ограничить поступление на украинские рынки российской книги все равно не повышали продаж украинских «мытцев». Покупаемые же авторы понимали, что им выгоднее прорваться на 150-миллионный российский рынок, чем пытаться монопольно закрепить за собой 50-миллионный украинский.

Русскоязычное население было более чем лояльно настроено по отношению к новому государству, считало его своим и даже не возмущалось ускоренным переводом на украинский всего образования страны, в результате чего сохранившиеся единичные школы с русским языком обучения оказались более элитарными, чем при СССР были английские спецшколы. Русские на Украине считали это государство своим, по месту рождения, как в XIV веке рязанцы считали своим Великое княжество Рязанское, тверичи – Великое княжество Тверское, а новгородцы – Господин Великий Новгород.

Откровенные провокации Запада в начале 2000-х годов: «дело Гонгадзе», «кольчужный скандал», «Украина без Кучмы» и прочие «пленки Мельниченко», практически не изменили вектор общественных настроений. Они были направле-

ны против нелюбимого, растратившего свой авторитет президента, который был сам виновен в своих проблемах и даже в условиях явного слива своими бывшими европейскими и американскими «друзьями», предпочитал заискивать перед ними, не пытаясь обратиться за поддержкой к собственному народу.

Мало кто сомневался, что Янукович будет проводить ту же политику постепенного отрыва от России, ту же ползучую украинизацию, что основной внешнеполитический вектор Украины и дальше будет направлен на Запад. Альтернативы не было. Было ясно (и то далеко не всем), что Ющенко будет хуже, просто бестолковее. Никого лучше не было заметно не только на горизонте, но и за горизонтом.

В конечном итоге, до конца 2003 года народ не особенно волновался по поводу исхода борьбы за президентство между Януковичем и Ющенко. Многие искренне верили, что Кучма пойдет на третий срок и вообще ничего не поменяется.

Все стало меняться с первых месяцев 2004 года, и кардинально изменилось к лету того же года. В это время отечественные «демократы» вдруг, как по команде «прозрели» и «поняли», что если Ющенко не победит на выборах, значит они «фальсифицированы». Произошло это ровно в тот момент, когда все социологические исследования стали показывать, что ранее высокий рейтинг Ющенко стагнирует и готов упасть, а Янукович быстро наращивает электоральную

поддержку и скоро сравняется с кандидатом в «мессии», а там и обойдет его.

В это время вдруг выяснилось, что все, кто за Ющенко – «демократы», а против – исключительно «зомбированные», «купленные» и «совки» (куда же, без них). В это время начала навязчиво проводиться мысль, что только с Ющенко Украину примут в ЕС, а без него страна окажется в «страшных кремлевских объятиях». Это было время, когда страну начали делить на сорта. Это сделал не «дэмон» Медведчук. Его политтехнологи только правильно отметили реально существующую тенденцию и продемонстрировали ее народу. Делить начали сторонники Ющенко, потому, что только расколов страну, противопоставив ее части друг другу, они могли надеяться сохранить электоральную поддержку хотя бы в западных областях. Это именно им надо было голосование не за программы, а по принципу свой-чужой.

Не случайно Ющенко и его команду более всего взбесили донецкие бил-борды с Виктором Андреевичем в нацистской форме. Правда всегда бесит. На ложь в ходе избирательных кампаний не обращают внимание.

Именно тогда в 2004 году «европейский выбор», поддержка Ющенко и «украинскость» стали неразрывны. Поэтому в западных областях Анну Герман ненавидят сильнее, чем Дмитрия Табачника. В СССР тоже коллаборантов (независимо от того власовцы они, бандеровцы или мельниковцы) ненавидели, а генералу Паулюсу никаких претензий не

предъявляли. Предателя всегда ненавидят больше, чем врага. Табачник для Западной Украины враг. Герман, с того момента, как она в 2004 году перешла с радио «Свобода» пресс-секретарем к Януковичу – предатель.

Короче, в 2004 году, в результате технологий, по которым строилась избирательная кампания Ющенко, нам надо было не просто президента выбрать, нам необходимо было идентифицировать себя, либо как «патриота», «демократа» и «европейца», либо как «совка», «янычара» и русофила. Кому это было не ясно, тем объяснили после второго тура, когда в Администрации Президента «нашли» не чей-нибудь спецназ, а именно российский.

Я рад, что большая часть избирателей Украины не побоялась тогда заявить о своей «неевропейскости». А ведь тогда еще никто не знал, что «европейцы», «демократы» готовы одобрить неконституционный «третий тур», лишь бы обеспечить приход к власти своего кандидата. Что неконституционный роспуск парламента «европейским» президентом будет квалифицирован не как государственный переворот, а как «достижение демократии», что и через пять лет «патриоты» будут голосовать не против Януковича, а против союза с Россией. Что за эти пять лет звание Героя Украины получит не просто коллаборант, а гауптштурмфюрер СС, только за то, что он воевал против СССР.

Многого тогда еще не знали избиратели, но поставленные перед выбором, свой выбор сделали. А дальше действо-

вала простая логика политического процесса. Объявившие себя украинцами, «демократами», «европейцами» рано или поздно пришли в бандеровские схроны. Если в 2004 году Ющенко еще вынужден был лицемерно исключать Тягнибока из фракции за ксенофобское выступление на Яворыне, то в 2011 Тягнибок, со своей «Свободой» – респектабельный участник «Комитета сопротивления диктатуре» вместе со всеми записными «демократами» и «европейцами». Был бы жив Шухевич и его бы в этот комитет записали.

А «пятая колонна», «совки» и «янычары» той же логикой борьбы подталкивается к признанию своей русскости. Вплоть до того, что сегодня у меня, как и у миллионов наших сограждан, больше общего с Путиным, стабильно занимающим первые места не только в русских, но и в украинских президентских рейтингах, чем с Януковичем, бездарно растерявшим поддержку своих избирателей и не получившим поддержки чужих.

Все просто, как правда. Если украинец – тот, кто считает, что события 9-го мая во Львове были «ответом украинских патриотов на провокацию». Если украинец – тот, кто чтит коллаборантов и предателей, поскольку они были против Москвы. Если украинец – тот, кто для кого в 1945 году случилась не Победа, а «смена оккупантов», то я русский. Потому, что Ярослав Мудрый и Александр Невский, Дмитрий Донской и Боброк Волынский, Николай II и Сталин, Хрущев и Брежнев, Путин и Медведев со мной одной крови,

а Батый и Ходкевич, Шухевич и Гитлер, Бандера и Ющенко – враги. Враги моих предков, моего народа, мои враги.

И сколько бы новых «открытий чудных» ни совершили украинские «патриотичные историки», пропасть между нами не зарастет – только углубится.

Глава 4. Никогда не сдавайся!

Семьдесят лет назад в эти же дни в последний раз в ходе Великой Отечественной войны полностью развалился советский фронт на центральном участке. Уже состоялось тройное окружение советских войск под Брянском и Вязьмой. Вместе с сентябрьским окружением Юго-Западного фронта, общие потери составили около полутора миллионов человек. Только пленными под Киевом было потеряно свыше 620 тысяч. Под Брянском и Вязьмой общие потери оценивались в 632 тысячи. Кадровая Красная Армия была практически полностью уничтожена, в боевых частях почти не осталось танков, дорога на Москву была открыта, и до столицы оставалось около двухсот километров. Это при том, что на пике успехов (летом) германские танковые соединения проходили до 45 километров в день.

Мог тогда кто-нибудь с уверенностью заявить, что СССР выстоит? Тем более, что в мае-июне 1940 года куда более слабый еще вермахт в ходе одной короткой кампании разгромил первоклассную французскую армию (свыше ста дивизий), английский экспедиционный корпус (более 12 дивизий), бельгийскую армию (22 дивизии) и голландскую армию (12 дивизий) и заставил Францию подписать перемирие по форме и безоговорочную капитуляцию по содержанию.

Исход той войны мы знаем.

Сегодня положение русской Украины сложное, но не критическое. Да, потеряно очень много времени. Да, «мы долго молча отступали». Да, сегодня украинский политический класс продолжает играть в глупые игры, не понимая, как близко мы все находимся от края пропасти. Да, мы неорганизованны, у нас не мобилизованы финансы, нет политической структуры, на которую можно было бы опереться, нами проиграно информационное пространство. Да, внутри нашего лагеря масса противоречий. Да, нас часто предавали те политические силы, которые вроде бы брали на себя обязательство отстаивать наши интересы. Да, словосочетание «профессиональный русский» давно уже является синонимом смешного политического маргинала, пытающегося худо-бедно прокормиться на эксплуатации русской идеи и не внушающего ни доверия, ни сочувствия, ни уважения.

Но значит ли это, что «пропало все» и мы можем лишь рефлектировать, справедливо ожидая, что дальше будет только хуже?

Не выигрывает тот, кто не сражается. Тот, кто сражается, иногда тоже проигрывает. В любой борьбе минимум два участника, а побеждает максимум один. Но отказ от борьбы означает признание своего поражения, без попытки что-либо изменить. Если мы заранее согласны с тем, что ничего не можем, то с нами не надо договариваться даже об условиях мирного соглашения. Нам их можно просто навязать. Устраивает нас это? Меня нет.

Как мне представляется, сегодня наше положение не так уж и плохо, как может показаться.

Дискредитирована вся политическая элита Украины. Но, слава богу, даже наши оппоненты признают, что Янукович и Партия регионов в последние полтора года реализовывали, в основном, «украинскую идею». Некоторые утверждают, что они делали это даже лучше, чем Ющенко-Тимошенко. Таким образом, от Кравчука, до Януковича власть и оппозиция постоянно представляли лишь варианты украинской идеи. И ни один из этих вариантов не оказался жизнеспособным. Дискредитирована именно украинская идея. Русскую никто еще даже не пытался реализовать.

Сегодня в запасе у украинствующих остался только Тягнибок. Весьма сомнительная радость, с точки зрения их «демократичности», «приверженности» примату прав человека и их «европейских перспектив». К тому же «Свобода» и Тягнибок, даже с точки зрения невзыскательного «патриота», которого не беспокоит тождество социал-национализма и национал-социализма, хоть и не в такой степени, как БЮТ, ПР, КПУ, НУНС, но все же дискредитированы, как пребыванием во власти (пусть и на местном уровне), так и слухами об их сотрудничестве с властью.

С моей точки зрения, сегодня вопрос заключается в том, примет ли власть нашу точку зрения, изменит ли она свою позицию перед угрозой социального взрыва, на порог которого поставила страну безумная политика четырех прези-

дентов, или она рискнет и дальше завинчивать крышку, рассчитывая, что как-нибудь само «рассосется».

Какой бы выбор власть ни сделала, нам необходимо объединяться, организовываться и заявлять о себе.

Во-первых, для того, чтобы украинская власть, которая привыкла уважать только силу, прислушалась к нам, необходимо, чтобы она видела нашу силу. Иначе у нее не будет стимула договариваться.

Во-вторых, если власть все же решит и дальше жить по принципу «после нас хоть потоп», то когда наступит «после них», организованными должны быть не только радикальные националисты. Должен быть противовес тягнбоковщине, иначе Виктор Андреевич действительно покажется интеллектуалом, демократом и даже русофилом.

Хоть чучелком, хоть тушкой, но если мы хотим быть услышанными надо говорить, и говорить громко.

Мы не можем сегодня позволить себе роскошь игнорировать любую антинационалистическую силу, любой русский проект на Украине. Каким бы маргинальным он не казался, какие бы противоречия между нами не возникали. За последние два десятилетия русская идея была настолько бесперспективна с точки зрения политического роста, что в стране просто нет авторитетных политиков, способных объединить под своим омофором подавляющее большинство русскоориентированных избирателей, политиков, под программой которых все подпишутся не потому, что все с ней

согласны, а потому, что никто не рискнет выступить против признанного авторитета.

Мы должны потратить несколько драгоценных месяцев (надеюсь, что не больше полутора-двух), чтобы в условиях отсутствия признанного лидера, без дисциплинирующей (вспомните «майдан») внешней финансовой и организационной поддержки, фактически на энтузиазме равнодушных, попытаться создать хотя бы фундамент широкого общественного движения.

Мы не имеем права никого отталкивать, кроме совсем уж одиозных и дискредитированных личностей. Мы должны выписать максимально гибкую программу, по возможности учитывающую зачастую противоречивые взгляды и интересы наших потенциальных союзников. Мы должны исходить из того, что нам предоставляется, возможно, последний шанс остановить галицизацию русской Украины, обратить вспять процесс создания «четырёхсоттысячелетнего» этноса «трипольских укров» и вернуться к истокам – в лоно русской государственности.

Количество русских государств, форма государственного устройства, взгляды на историю, отношение к действующим политикам – проблемы сегодня второстепенные. Наша главная задача – победить украинский национализм. Спорить о нюансах можно после победы. Какая сегодня разница, правы ли англичане, считающие поворотным моментом во Второй мировой войне свою победу под Эль Аламейном, аме-

риканцы, называющие таковым битву за атолл Мидуэй (или сражение на острове Гуадалканал) или русские, справедливо отмечающие, что становой хребет сухопутных сил Гитлера был сломан под Сталинградом и Курском. Главное, что войну выиграла, а дальше «каждый кулик свое болото хвалит».

Сегодня мы все равно не сможем предсказать, чьи именно взгляды окажутся наиболее востребованными и актуальными завтра или послезавтра. К тому же существует нормальная процедура – выборы: представление программ, голосование народа и мандат доверия той или иной политической силе.

Можно, конечно, сказать, что этот механизм дискредитирован украинскими политиками, регулярно цинично дезавуирующими свои предвыборные обещания на второй день после прихода к власти. Но, если мы заранее считаем себя такими же, то тогда действительно не имеет смысла бороться – то, что можно было построить в рамках проекта «Украина», уже построено. Если же мы собираемся играть по правилам, то система быстро восстановит доверие. Это как валюта: стоит ей пару месяцев повести себя нормально, предсказуемо – и народ начинает ей верить. Достаточно допустить пару неожиданных обвалов – и доверие потеряно.

Короче. Мы только начинаем. Хочется все сделать быстро. Но быстро – не всегда качественно. Надо советоваться, не спешить, искать точки соприкосновения и сближения позиций, в конечном итоге просто определять людей, способ-

ных работать и выдвигать лидеров, пользующихся доверием.

Не надо делить прошлое, с пеной у рта споря, кто лучше (хуже) Николай II, Сталин или Горбачев (Ельцин, Путин и т. д.). Необходимо смотреть в будущее и не сдаваться раньше, чем тебя победили.

Глава 5. Лучше с умным потерять...

Один из моих друзей регулярно упрекает меня в том, что я пишу слишком откровенно. Я его отправляю читать моих критиков, утверждающих, что все написанное размыто и неконкретно. Подобный разброс мнений не должен удивлять – каждый читает в статье то, что хочет прочесть. Многие читают даже то, что там не написано.

Могу сообщить, что на икру с шампанским я зарабатываю стратегическим планированием. Для справки, то, что называется политическими технологиями – лишь одна из многих составных частей данного процесса. Следовательно, мои действия точно не носят случайный или хаотичный характер. Но, в отличие от большинства своих коллег, считающих необходимым таить от общества свои планы и намерения, я считаю, что в современных условиях полная прозрачность и открытость не только никому не повредила, но всегда (без исключения) полезна.

Во-первых, оппоненты никогда не поверят, что Вы от них ничего не скрываете. Они сами придумают, что именно Вы скрываете. Более того, они потратят время, деньги и силы, чтобы нанять пройдох и шарлатанов, которые и продадут им Ваш «план Барбаросса» (дорого). Это уже полезно.

Во-вторых, и это главное, в современном, переполненном информацией (которую невозможно отличить от дезинформации) и дезинформацией (которую невозможно отличить от информации), мире не так важно насколько оппоненты осведомлены о Ваших истинных планах и целях, как важно то, насколько адекватно Вы оцениваете меняющуюся ситуацию и насколько оперативно готовы адаптировать к ней свои планы. Впрочем, еще Мольтке-старший утверждал, что ни один, даже самый досконально проработанный план войны не может быть в полном объеме (без существенных корректив) реализован в условиях реальных боевых действий. Необходим пустяк – всегда опережать оппонента хотя бы на один темп и иметь как минимум три варианта ответа на любые его действия.

В-третьих, поскольку в любой борьбе ресурсы, которые Вам удастся сосредоточить к ее началу, всегда недостаточны, открытость стимулирует информационный ресурс оппонентов работать в Ваших интересах. Грубо говоря, критикуя Вашу позицию, они доносят ее до Ваших потенциальных сторонников. Еще раз подчеркну, что в современном мире корректную информацию невозможно отличить от лжи. Следовательно, вопрос только в вере, а вера иррациональна, основана на эмоциях. Отсюда простое правило – чем сильнее Вас ругают враги, тем больше Вам верят друзья. К сожалению, года два назад большинству оранжево-нацистских СМИ эту банальность очевидно кто-то объяснил и ны-

не «разоблачениями» «пятой колонны» и «антиукраинского заговора» занимаются лишь совсем уж отпетые маргиналы. Но на некоторые вещи они все равно вынуждены реагировать.

Так вот, когда я пишу свои материалы, я, безусловно, высказываю свою (и только свою) точку зрения на процессы, происходящие в стране и на то, как их желательно изменить. В конечном итоге, каждый из нас, пишет ли он статью, выступает ли по ТВ, общается ли с коллегами в блоге или с друзьями на кухне, стремится изменить действительность таким образом, чтобы завтра ему (именно ему лично) было как минимум не хуже, а то и лучше, чем сегодня. Просто, подавляющее большинство (даже искренних «борцов за идею») уверены, что то, что хорошо для них, хорошо и для народа.

К сожалению, большинство народа (это относится к любому народу, не только к нашему) от бомжа, до академика, не только уверено, что в политике разбирается каждый, но и считает, что именно его концепцию поддерживает большинство сограждан. Особенно, если концепция: «Взять все и поделить».

Действительно, абстрактная «справедливость» близка сердцу народному, но каждый по-своему решает у кого и сколько брать и между кем и как делить. Тут-то и возникает огромное количество проблем, в пиковом случае перерастающее в гражданскую войну всех против всех, которая завершается лишь тогда, когда делить становится уже нечего.

Реальная (не дилетантская) политика в разы (а то и на порядки) сложнее шахматной игры, но подчиняется вполне определенным правилам. Другое дело, что информации, позволяющей корректно применить законы политики (по Чжоу Эньлаю: «Продолжения войны иными, невоенными, средствами»), всегда недостаточно. Слишком много самостоятельных участников в любом политическом процессе. Но это не значит, что к игре по правилам не надо стремиться. Любая, даже несовершенная упорядоченность, лучше самого совершенного беспорядка, а профессионал всегда побьет дилетанта, даже если дилетант этого и не заметит.

Именно поэтому, прежде чем организовывать какое-либо политическое движение, выдвигать какие-либо лозунги, я считаю правильным и необходимым максимально четко уяснить себе ландшафт, на котором мы собираемся работать. Именно поэтому, а не из спортивного интереса, и не от избытка свободного времени, я старался прочесть все комментарии под всеми своими статьями, включая их перепечатки на других ресурсах.

В частности, меня интересовал вопрос: вокруг чего готовы были бы объединиться антинационалистические силы Украины. Подчеркиваю, не готовы ли они принципиально, а вокруг чего готовы. Это – основной вопрос сегодняшнего дня. Ведь речь об объединении ведется все двадцать лет независимости. За это время количество антинационалистических, антиоранжевых, пророссийских и русофильских

партий и организаций выросло на пару порядков. При этом монархисты и коммунисты, как боролись с нацизмом поодиночке, так и борются. В лучшем случае, они призывают всех прийти именно на их мероприятие. Причем монархисты зовут коммунистов отпраздновать 2-е ноября, а коммунисты монархистов зазывают на 7-е. Не мудрено, что до сих пор так и не встретились.

Более того, не для всех, но для многих антиоранжевых организаций нет худшего врага, чем единомышленники из такой же организации. Борьба амбиций и честолюбий, борьба незаметных невооруженным глазом различий в концепциях маргинализовала больше проектов, чем все усилия оранжевых наци взятых вместе.

Да, конечно, нацисты тоже не очень дружат между собой. Да, конечно, без руководящей, направляющей и грантодающей внешней силы они бы и в 2004 году лопали друг друга «без соли и без лука». Да, многие их «достижения» были им просто подарены, да еще за подаренный им подарок им же и заплачено. Ну и что?

Мы констатировали факт – на такую финансовую и организационную поддержку, как была у оранжевых в 2004 году, мы рассчитывать не можем. Далее необходимо либо найти способ минимизировать данное неравенство начальных позиций, либо признать свое поражение. Я пытаюсь пойти по первому пути.

Не стану в который раз перечислять все формы, образцы,

оттенки и полутона русских, пророссийских, антиоранжевых и антинационалистических сил, партий, организаций. Как в любом движении здесь есть все, от крайне левых, до крайне правых. Отмечу одну очевидную истину: мы разделены внутри страны не по политическому, а по этноконфессиональному принципу. Украинствующий анархист будет дружить с украинским нацистом, а не с анархистом-русофилом. Украинские православные (не только филаретовцы, но и автокефалисты в УПЦ) готовы объединяться против русских православных с униатами, католиками, мусульманами и даже с язычниками и т. д.

Так вот, националистическая часть политического спектра худо-бедно, но объединена организаторами оранжевого переворота и это оранжевое единство они чувствуют до сих пор. Поэтому считаю корректным называть их наци-оранжистами. Русскую часть никто объединять сверху не будет, но объединительная идея лежит на поверхности. Она вытекает из объединительной идеи наци-оранжистов. Если те «хотят в Европу», потому что там порядок и живут хорошо, то мы хотим в Россию, потому что там порядок и живут хорошо.

Но уже на этапе формулирования данной идеи у нас возникают переходящие едва ли не в войну противоречия, которых нет у наших оппонентов. Те просто «хотят в Европу». Их не смущает, что Европа разная, что там есть масса не слишком симпатичных политиков, что она в последние десятилетия участвует в нескольких агрессивных войнах по все-

му миру, что ее экономика рухнет, что ЕС все отчетливее делится на младших и старших братьев и т. д., и т. п.

У нас начинаются стенания: «Я не хочу в Россию Путина потому, что он не перевешал всех олигархов». «Я не хочу в Россию Медведева потому, что он не спас Каддафи». «Я вообще хочу в Советский Союз. Его неправильно распустили. Верните!» «Большевики – немецкие шпионы, устроившие переворот. Пока не покаемся и не вернем на престол представителя законной династии, не будет нам счастья». «Русские нас вообще не хотят. Мы для них обуза. Чего напрягаться? Все равно не возьмут». «Русские, как американцы, хотят наши богатства поделить, а черноземы в Сибирь вывезти». Можно продолжать плодить этот бред до бесконечности.

Почему бред? Потому, что адекватно оценивая ситуацию, необходимо признать, что не будет в России монархии Романовых и Советского Союза тоже не будет. Потому, что Россия прекрасно развивается без украинских «богатств», но геополитически Украина для России важна (как важна и против России), иначе за нее не шла бы такая борьба на мировой арене. Потому, что мы действительно не можем сегодня в Россию просто вступить, даже если бы этого вдруг захотели все: не только граждане, но и политики. Слишком высоки морально-политические издержки от такого поглощения, а минимизировать их мы пока не можем – нет ресурсов. И никто не предложит нашим «русофилам» «Россию без Путина» или «Россию без коммунистов».

Есть чьи-то желания, чьи-то эротические фантазии. А есть реальные факты. Факты свидетельствуют о том, что в ближайшие 12 лет Россией с точностью до 99 % будет руководить Путин. Этого, кстати, хочет народ России. Недавно либеральная недооппозиция в России заходила от восторга: «Рейтинг Путина обвалился!» Ага, обвалился: с 66 % до 62 %. Это через 8 лет президентства и 4 года премьерства, а всего 12 полных лет руководства страной. Пусть у Обамы так «обвалится». Альтернативы Путину сегодня в России нет. Мне это нравится. Кому-то может не нравиться. Изменить никто ничего не может.

Следующий факт. Рейтинг Путина высок не только и не столько потому, что он вернул России статус второй сверхдержавы (это положение оспаривает российская либеральная оппозиция, но его признают США). Рейтинг Путина высок потому, что он сумел максимально социализировать российское государство, не прибегая к взрывному революционному демонтажу олигархического режима, чреватому очередным гражданским противостоянием и, как следствие, полной и окончательной утратой государственности.

Он не создал государство социальной справедливости, но он заставил государство выполнять свои социальные функции, которые при Ельцине были забыты не менее прочно, чем в современной Украине. К тому же к этому были подключены и олигархи, которые постепенно переходят в разряд фактически государственных менеджеров, управля-

ющих корпорациями формально находящимися в их собственности.

Третий факт. Путин выбрал курс на сохранение политэтнического имперского характера российской государственности, когда политическая лояльность для карьеры является определяющей в сравнении с этническим происхождением. Поэтому Путина не любят русские националисты, к счастью немногочисленные и поэтому сохраняется возможность возвращения империи к естественным границам 80-х годов XX века.

Однако это длительный процесс и, судя по последним действиям в направлении легитимации Евразийского союза, российское руководство решило идти совершенно правильным, с моей точки зрения, путем (наверное, единственным возможным в сложившихся условиях). Предлагается концепция не ускоренной реставрации единой державы посредством поглощения лимитрофов Россией, а создание экономического и военно-политического объединения под российским зонтиком. Так же, как в 1945 году США готовы были платить за лояльность Европы планом Маршалла, Россия готова сегодня заплатить за лояльность постсоветского пространства ощутимыми экономическими льготами в рамках Таможенного союза. Очевидно, что при формировании Евразийского союза речь пойдет о дополнительных привилегиях партнерам России.

Следующий факт заключается в том, что Россия отчетли-

во намерена претворить свою модель интеграции постсоветского пространства в жизнь. Кто не захочет добровольно и за льготы, придет бесплатно после того, как рухнет его экономика. Без поддержки со стороны России или ЕС экономика постсоветских стран сегодня существовать уже не может. ЕС не имеет ресурсов для оказания необходимой поддержки – у самого проблем полон рот. Россия меняет поддержку на лояльность. Это может не нравиться, но требовать дешевый газ и плевать в российский суп, как последние лет семь делала украинская власть – верх глупости.

Вышеприведенный набор фактов свидетельствует о том, что интегрироваться мы сегодня можем лишь в Евразийский союз, который будет предполагать формальное сохранение государственности и неформальное главенство Москвы. Это будет объединение капиталистических государств, проводящих сильную социальную политику (костяк союза: Белоруссия, Казахстан, Россия именно так и поступают) и стремящееся к переходу к постиндустриальной фазе развития, которая очевидно отменяет известное нам сегодня общественное устройство. Возможно, и вопрос противостояния социализма и капитализма с повестки дня снимет – не знаю.

Можем и не интегрироваться, и тогда надо готовиться к гражданской войне, которая рано или поздно вспыхнет на обломках украинской экономики. В этой войне не будет победителей, ни среди «проукраинских сил», ни среди «антиукраинских», просто России придется подобрать и обустроить

вать, в рамках того же Евразийского союза, выжженную землю.

Это мой взгляд на наши возможности. Отсюда вытекает простое решение: пророссийские силы на Украине могут быть объединены только в рамках широкой имперской идеи: долговременное, постепенное восстановление имперского пространства, с сохранением на достаточно длительном отрезке времени формально суверенной государственности. К иному пока не готовы наши партнеры. Они строят Евразийский союз государств и ничего иного предложить не могут.

Понятно, что при таком подходе остается открытым вопрос выбора модели социального устройства. Но выбрать все равно придется то, которое дает возможность эффективно взаимодействовать с партнерами. А это значит, что создание объединенной единой идеологией пророссийской партии невозможно. Даже вредно. Опять начнутся споры о том, кто должен «поступиться принципами» и опять никто не захочет.

Но ведь не только общественное движение может выделять из себя партию, но и партии могут объединяться (по интересам) в общественное движение. В конце концов, вначале меньшевики, эсэры, трудовики, кадеты, анархисты и даже некоторое количество большевиков вместе свергли царя, а уж затем разбирались кто из них «матери истории более ценен». Оранжевые в 2004–2005 годах поступили таким

же образом.

Поэтому, как мне представляется, верен будет акцент именно на общественном движении, а не на политической партии. Здесь есть и чисто технические преимущества, но их долго описывать и еще дольше объяснять. Более того, общественное движение, объединяя значительную часть (со всеми все равно не выйдет) пророссийских партий и организаций может одновременно, оказывать давление и на действующую власть (опять ровно так, как это делают нациоранжисты, когда и откровенные фашисты, и якобы либералы «дудят в едину дудку»), с целью добиться от нее уступок здесь и сейчас.

При этом, насколько я понимаю, люди, которые желают создать «руководящую и направляющую силу», вооруженную «единственно верной идеологией» всегда могут как воспользоваться для самореализации одним из двух сотен существующих партийных проектов, так и создать новый. Но это не отменит того факта, что для объединения нужна не идеология, а надпартийная и внеидеологическая идея. Это легко понять. Все, включая многих сторонников коммунистов, голосовали за Партию регионов и Януковича не потому, что очень их любят, а потому, что на тот момент они были единственными выразителями (хоть и плохонькими) объединяющей идеи, предполагавшей разворот украинской политики в сторону интеграции с Россией на международной арене и денацификации внутри страны.

Возможно, регионалы исчерпали свой потенциал харьковскими соглашениями, прекращением голодоморных плясок и противоречивой гуманитарной политикой, может быть, сподобятся еще на что-то. Понятно, что действовать они будут только вынужденно (под внешним и внутренним давлением). Понятно и то, что рано или поздно (причем скорее раньше, чем позже, им на смену придет другая политическая сила). Если эта сила будет представлена в парламенте коммуно-олигархическим пророссийским блоком и сделает еще хотя бы пару шагов в нужном направлении – хорошо. Если случится чудо и в парламент зайдет полноценная русская партия, настроенная на ускоренную реинтеграцию – отлично. Главное, чтобы к власти «после Януковича» не пришел наци-олигархический блок, который вернет страну во времена пещерного нациоранжизма.

Однако для того, чтобы упомянутое общественное объединение возникло, необходимо провести огромный массив разъяснительной работы, преодолеть застарелые обиды и противоречия между многими русскими организациями, отсеять откровенных провокаторов, требующих «здесь и сейчас», «флаг в руки, идеологию в зубы, ветер в спину и поезд навстречу», «дайте мне ружье и ведите на баррикады, а то я так и умру никого не убив».

В данном случае, говоря *провокаторы*, я имею в виду не подержанных девушек, с несложившейся личной жизнью, работающих в Администрации Януковича и корчащих из се-

бя «независимый голос общественности» (они известны поименно и на них обращает внимание не более десятка маргинальных ников). Я имею в виду людей добросовестно заблуждающихся, искренне считающих, что только всеобщее возвращение к православным, или коммунистическим, или каким-нибудь еще истокам обеспечит чудесное наступление всеобщего счастья. Также я имею в виду тех, кто зовет на баррикады «уже вчера». Нет ничего более вредного, чем несвоевременный, неподготовленный мятеж. Его давят и используют как повод для начала репрессивной политики, способной законсервировать режим на десятилетия. Не менее вредным является и упорное навязывание своего «символа веры» всем потенциальным союзникам. Это раскалывает общий фронт. Даже Сталин с Черчиллем были способны объединиться против общего врага, ни на йоту не отступив каждый от своих принципов, а коммунисты с монархистами не могут.

Добросовестная, честная, убежденная провокация, в разы опаснее проплаченной. Нанятые провокаторы, как правило, не умны, способны лишь повторять мантры, заученные от хозяев, и быстро вычисляются. Провокаторы убежденные, которых используют втемную, многим внушают доверие своей одержимостью, очевидным бессребренничеством и личной порядочностью.

Преодолеть раскол и добросовестную провокацию в русском движении, невозможно при помощи еще одной пропо-

веди, еще одной «правильной идеологии». Это была бы еще одна добросовестная провокация, работающая на раскол. На сегодня необходим активный обмен мнениями, поиск точек соприкосновения и достижение согласия вокруг максимально эклектичной, удовлетворяющей большинство идеи, а не идеологии. Это не одномоментный процесс, и это клубная работа. Но без такой клубной работы невозможно мощное движение.

А в обреченных проектах, вроде еще одной диванной русской партии, я не участвую. Я не сражаюсь для того, чтобы героически погибнуть. Я сражаюсь, чтобы совсем не героически, с минимальными потерями и издержками победить.

Глава 6. Желания и возможности

Недавно встречался с киевской группой «Альтернативы». Думаю, что, как минимум, часть обсуждавшихся вопросов, могла бы быть задана и другими коллегами. А, в принципе, вопрос-то один: «Что и как делать?»

Для того чтобы дать на него адекватный ответ, надо, в первую очередь, определиться с тем, кто мы есть. Я уже отмечал, что отслеживаю реакцию на публикации (не только свои), которые можно было бы тематически объединить термином «пророссийская аналитика». При этом, более двух лет я поддерживаю хорошие, конструктивные взаимоотношения с активными пророссийскими молодежными организациями (с Владимиром Роговым из Запорожья, с Леваном Самхарадзе и с Антоном Давидченко из Одессы, с Кириллом Арбатовым из Львова, с Татьяной Мармазовой из Донецка и т. д.).

Так вот, я обратил внимание на то, что входящая в организации молодежь плохо знакома именно с политическими публикациями, как в «Интернете», так и в печатных СМИ. Даже там, где лидеры организаций имеют собственные СМИ или доступ к региональным СМИ и пытаются в этих ресурсах пропагандировать политическую аналитику, молодежь, как и вся современная молодежь, мало читает или совсем не читает.

Констатация данного факта позволяет сделать следующий вывод. Наша аудитория, наша потенциальная группа поддержки состоит, преимущественно, из тех, кому за сорок. Я, конечно, встречал среди комментаторов и 20-30-летних, но пропорция примерно 20 к одному в пользу более старшего поколения. Разумно предположить, что и возрастное разделение читателей примерно такое же.

Кроме того, для того, чтобы читать политическую аналитику, а не желтую прессу, необходим определенный образовательный и интеллектуальный уровень. Даже самые безмозглые обормоты, требующие публичного крестного целования в исключительно благородных мотивах автора, все же пытаются понять и оценить смысл написанного. То есть у части аудитории переход от жвачного к мыслящему если еще и не произошел, то, по крайней мере, присутствует стремление его совершить, что уже немало. Невозможно поумнеть, не уразумев всю бездну собственной глупости.

Таким образом, можем констатировать, что большая часть, как наших читателей, так и людей, начавших объединяться в региональные группы, это представители поколения 40-летних и старше, в основном имеющих высшее образование и умеющих мыслить самостоятельно.

Когда в таком обществе начинают говорить о пикетах, листовках и баррикадах, становится понятно, что происходит бессмысленное сотрясение воздуха. В лучшем случае в активной уличной акции примет участие один из каждых де-

сяти. Да и тот, постояв и убедившись воочию, как мало соратников пришло, уйдет и больше не придет.

У большинства работа, семьи, болезни и т. д. Это правило, кстати, распространяется и на наших оппонентов. В 2004 году отряды оранжевых боевиков из «Поры» и аналогичных организаций формировали из старшеклассников и студентов (рабочей молодежи в стране с повальным высшим образованием практически не осталось). Это уже потом, когда «майдан» стал модным шоу, к ним присоединились и люди более старших поколений, но основу «майдана» составляла именно молодежь.

Это неудивительно. В 20 лет пожить в палатке на центральной площади страны и всерьез ожидать, что против тебя бросят не ОМОН, а танки – весело и интересно, в 30 – уже глупо (и в палатке жить, и танки ждать глупо).

Наконец, активные уличные акции нужны и важны лишь тогда, когда ставится непосредственная краткосрочная цель: поменять власть, добиться наказания преступника, отстоять парк или школу и т. д. Есть ли поводы для таких акций в современной Украине? С тактически-региональной точки зрения, наверное, есть. Трудно найти в стране город, район, населенный пункт, где бы население было полностью довольно местной властью, и где бы местная власть не пыталась что-нибудь украсть у народа.

Надо ли там организовывать пикеты и другие формы уличных выступлений против местной власти? Очевидно,

исходить следует из реальных обстоятельств. Пикет из трех-пяти активистов, не поддержанный народом и проигнорированный СМИ – себе в убыток. Поэтому перед подобным выступлением стоит провести организационную работу и понять сколько людей готовы поддержать выступление. Игра стоит свеч, если их не менее ста в небольшом населенном пункте и от тысячи и больше в крупном городе, сравнимом с областным центром.

При этом не надо забывать, что такая акция увеличивает авторитет организаторов в местной общине, но никоим образом прямо не влияет на достижение конечной цели русского движения на Украине. В рядах борцов за сквер в Тернополе могут оказаться и коммунисты, но фашистов все равно будет больше. То есть организация акций местного масштаба позволяет повышать политическую значимость конкретных местных фигур и, уже посредством их авторитета, учитывая склонность большинства населения, просто верить в позицию лидера, продвигать русские идеи. В этом смысле их не стоит ни недооценивать, ни переоценивать – просто, если браться, то хорошо готовить.

Что же мы можем предложить из глобальных русских идей? Я думаю, что концентрироваться имеет смысл на двух вещах: русский язык как второй государственный и быстрейшее начало интеграции в Таможенный и Евроазиатский союз.

Почему именно эти две? Потому, что, во-первых, они яв-

ляются наиболее общими (внеидеологическими) моментами, объединяющими русских людей на Украине. При этом они служат и своеобразными маркерами: если тебе не нужен второй государственный язык и Таможенный союз, то ты уже не совсем как бы и русский. Вроде того, как самые либеральные националисты клянутся в верности Бандере, Шухевичу и рассказывают что СС «Галичина» – это такая гуманитарная организация, спасавшая евреев, поляков и советских партизан. Без этого их свои не будут считать своими.

Но эта знаковость упомянутых требований не является, с моей точки зрения, важнейшей. Самое важное – политическая и технологическая универсальность обоих требований.

Враги не всегда врут. Например, утверждая, что в условиях государственного двуязычия украинский будет практически моментально маргинализован, а впоследствии и вытеснен русским языком, они говорят чистую правду. Уже нет советской власти, которая на бюджетные деньги организовала бы во всех школах Украины обязательное изучение украинского языка, а также «произведений» Яворивского, Драча, Павлычко и других. В условиях буржуазного общества финансироваться будет только то, на что есть спрос. Из двух государственных люди будут выбирать более конкурентоспособный (а это русский – сами националисты признают). Следовательно, государственный статус русского языка дает нам мощное оружие дегалицизации Украины даже в условиях ее формальной самостоятельности.

То же самое можно сказать и о Таможенном союзе. Восстановление единого экономического и таможенного пространства, практическое устранение государственной границы (на какое-то время остается только функция паспортного контроля, но и ее можно быстро вывести на внешнюю границу, как это сделали в ЕС), быстро и неизбежно приводит к ускорению процесса перемешивания населения, а также к возникновению необходимости во все более высоком уровне политической интеграции. Все это видно на примере того же ЕС. То есть через некоторое время, суверенитет Киева становится столь же формальным явлением, каким был суверенитет СССР.

И здесь тоже играет роль факт нашего проживания именно в капиталистическом государстве. В условиях капитализма труднее убедить местных олигархов отказаться от единоличного контроля над своей вотчиной, но если уж процесс пошел, то капиталистическое государство никогда не выпустит добычу и не отдаст добровольно ни территории, ни сферу влияния, как это сделал Советский Союз. Политическая интеграция будет не только неизбежным, но и все ускоряющимся процессом. Ну и не надо никому доказывать, что в условиях постсоветской перманентной экономической и политической интеграции галицийский проект гроша ломаного не стоит. Он исчезнет «как утренний туман», а оставшиеся непримиримые адепты будут высказывать свою непримиримость на кухне.

Здесь мы переходим к последнему вопросу: «Какие механизмы достижения поставленных задач нам подходят?».

Мы уже определили наличие разрыва между склонным к более глубокому политическому анализу старшим поколением и склонной к немедленным действиям (вплоть до поножовщины «фа» и «антифа» молодежи). Очевидно, мы должны использовать те инструменты, которыми владеем лучше всего, но при этом не забывать о необходимости преодоления возрастного разрыва. Сейчас мы рискуем, что «теоретический русизм» умрет вместе с нашим поколением. И даже раньше, как только станет понятно, что это развлечение пенсионеров. То есть у нас осталось лет десять – не больше, ведь с каждым годом мы составляем все меньший процент избирателей и вообще политически активных людей.

Мы, конечно, будем проводить (как и раньше проводили) круглые столы и конференции. Но это мероприятия на 20-100 человек (не больше). Даже при хорошем освещении в СМИ, для большинства теряется эффект сопричастности. Люди видят, слышат, разделяют или не разделяют какую-то точку зрения, но не могут высказаться по теме.

Как мне представляется, ежедневная работа должна быть направлена на то, чтобы создавать обратную связь с властью. Я уже когда-то упоминал о хорошей американской практике писать письма конгрессменам. У нас нет лоббистов, которые за нас напишут письмо президенту, премьеру или первому вице-премьеру (как организатору избирательной кампании

ПР). Мы должны самостоятельно решить к кому и с каким требованием мы обращаемся, самим составить текст, самим найти сторонников, самим собрать подписи.

Это тяжелая, рутинная, долгая работа. Это не два часа в пикете простоять. Но при условии ее качественного исполнения, она оказывается гораздо более эффективной, чем все остальные формы деятельности. Я помню лишь один случай самоорганизации русских на Украине, в масштабах всей страны. Когда в начале 2010 года «свидомые» попытались устроить кампанию против Табачника, народ прореагировал самостоятельно и мгновенно. Никто ничего не организовывал, но были и пикеты, и сборы подписей, и обращения к руководителям страны. Так это до сих пор помнят.

Сделать то же самое в поддержку русского языка – на порядок труднее. Там, все же реагировали на действия оппонентов. Здесь надо выступать с инициативой самим. Но зато нас никто и не гонит в шею. На сайте «Альтернативы» заявили об организации около восьми региональных групп. Не менее двадцати человек активно дискутирует в комментариях и на форуме (считайте – еще одна группа, виртуальная). Все адреса электронной почты, предназначенные для связи, опубликованы.

Осталось только списаться друг с другом, согласовать тему выступления, предложить текст (по форме, думаю, лучше всего открытое письмо). Вначале обсудить текст в рамках групп, согласовать друг с другом (группа с группой) правки.

Затем, для окончательной шлифовки, вынести его на форум.

Все это займет от двух до четырех недель. За это время, а в реальности, с учетом новогодних праздников, можно считать до 20 января – 1 февраля, надо параллельно искать людей, готовых это письмо подписать. Если восемь-девять групп соберут 500-1000 подписей, можно посылать письмо адресату, параллельно вывешивая его для дальнейшего подписания на одном-двух сайтах.

Если в течение месяца, со дня отправки письма, не будет дан ответ, или ответ нас не удовлетворит, можно передать письмо еще раз (с новыми дополнительными подписями). В поддержку русского, как второго государственного за месяц можно и десять и сто тысяч подписей собрать в Интернете. Эту новую передачу можно уже устроить в виде пикета на Банковой или Грушевского.

Может быть, мы и не получим непосредственный эффект от обращения к властям. Обращения были раньше, будут и позже. Не захотят – не среагируют. Но, долговременная работа разных групп над текстом, позволит людям, разбросанным по разным городам, не только познакомиться, но и получить опыт конкретной совместной практической работы. Очевидно, что дальше могут возникать новые самостоятельные инициативы, организуемые по тому же принципу: предложили-списались-согласовали-оформили-выступили.

Мне представляется крайне важным, если хотите, самым важным, чтобы люди, желающие что-то изменить в полити-

ке, прекратили очаровываться и разочаровываться в своих поводырях, прекратили ждать указаний, а начали действовать сами, постепенно, с нашей поддержкой, обучаясь проявлять и реализовывать свою инициативу, общаясь на горизонтальном уровне, без посредничества какой бы то ни было иерархии.

Следующим важным шагом, который можно будет предпринять после первого опыта совместной эпистолярной деятельности, мне представляется работа с молодежью. Написание и обсуждение текста поможет нам выделить публицистов и ораторов, умеющих внятно изложить адекватные мысли, после чего можно будет обдумать кто, где, когда и как сможет начать общение и агитацию среди молодежи. Для кого-то это может быть постоянное общение с небольшой группой, для кого-то периодические лекции в школах или в ВУЗах, для кого-то просто знакомство молодых с печатной продукцией.

Думаю, что на этой основе мы сможем привлечь к сотрудничеству и отдельных лиц и действующие организации, и работы здесь достаточно на ближайшие полгода. А дальше посмотрим, время покажет, на чем еще будет надо сосредоточиться.

Глава 7. Ищущий обрящет

В шестом веке нашей эры император Юстиниан I почти восстановил Римскую империю в ее исторических границах, утвердив власть Константинополя, помимо восточных провинций, также в Италии, Африке и значительной части Испании. Юстиниан обладал явно недостаточными средствами, а международная обстановка была крайне неблагоприятна для империи. Это, кстати, подтверждается тем, что сразу после Юстиниана империя стала быстро скукоживаться. Тем не менее проект реставрации Римской империи был почти реализован, власть Константинополя в Африке и Испании держалась до самого арабского завоевания (в восьмом веке), то есть почти два столетия, а в отдельных областях Южной и Центральной Италии и вовсе восемь веков.

Можно с уверенностью сказать, что проект Юстиниана был реализуем (хоть и с большим напряжением сил). На пути его окончательного успеха стало то же, что обусловило его первоначальное победное шествие – особенности характера императора.

Впрочем, здесь не место и не время разбираться в хитросплетениях имперской политики шестого века и в том, как подозрительность и недоверчивость Юстиниана поставили крест на проекте, вдохновленном и почти реализованном благодаря его же воле, энергии и одержимости. Вернем-

ся в настоящее время.

Я с большим удовольствием читал долгую и «плодотворную» дискуссию, первоначально развернувшуюся вокруг пользы или вреда «малороссийскости» Андрея Ваджры и уведшую спорящих в разбор теорий возникновения украинского народа и перспектив славянского единства.

Коллеги продемонстрировали наличие у каждого из них полного джентльменского набора хорошего полемиста. Умелая работа с фактами, незаметные подтасовки, тонкая ирония, дозированная грубость, демонстративная убежденность в своей миссии (донести до несведущих единственно правильную теорию), – все шло в ход, чтобы продвинуть именно свою версию прошлого. И зачем?

Если бы Юстиниан потратил годы и силы, до хрипоты споря с Велизарием и Нарсесом об особенностях стратегии Цезаря под Алезией или Октавиана при Акциуме, он бы не только не завоевал бы Африку, Италию и треть Испании, но утратил бы в пользу персов все или большую часть восточных провинций.

Мы живем сегодня и сегодня создаем свое будущее. Не только от нас, но от нас в первую очередь зависит, кем будут наши дети и внуки, в том числе, и к какой нации, какому народу будут они себя причислять, на каком языке говорить, в каком государстве жить. Нас объединяет нежелание жить в расово правильном государстве Украина. Подчеркну – нежелание жить в каком-то другом, а нежелание жить именно

в этом. Также нас объединяет русскость, независимо от того, определяем мы эту русскость непосредственно, через малороссийство либо через славянство.

Мы русские, независимо от того, что кто-то из нас (я, в частности) предпочел бы восстановить империю «от Варшавы до Японии и от Белого моря до Черного», а кто-то хочет жить в русском государстве Украина (некоторые даже в русско-украинском). Русские даже те из нас, кто пытается назваться советским украинцем или вообще славянином. Не сербы же они, не болгары и уж точно не украинцы – спросите у Тягныбока. Они русские уже хотя бы потому, что это типично русская черта – рефлексировать по любому поводу и, вместо того, чтобы уверенно строить свое будущее, пытаться переформатировать прошлое.

Можно подумать, если случится чудо и все примут концепцию триединого русского народа, состоящего из разных национальностей, и даже согласятся с термином, обозначающим одну из этих национальностей-народностей (малороссы, русины, украинцы), галицкие сепаратисты осознают свои заблуждения, покаются, снесут памятники Бандере, Шухевичу и эсэсовцам «Галичины», посыпят голову пеплом, коллективно выйдут из фашистских партий и, засучив рукава, займутся реставрацией государственного единства в имперских границах. Да им, хоть славяне, хоть якуты – все враги, даже украинцы, если они не «свидомые».

Дискуссии о том, как правильно называть живущих на

Украине русских – напрасная трата времени и сил. Поморы называются поморами лет пятьсот и сепаратизмом не страдают, а на Украине сепаратизм и предательство процветали даже тогда, когда местные вожди и вождишки именовали себя «руськими» и клялись в верности православному царю. Предавали всех, а с особым упоением – друг друга.

Сегодня мы имеем данность – 20 лет на территориях нескольких южнорусских провинций, в течение 70и предшествующих лет объединенных в эфемерное образование под названием УССР, существует государство Украина. В этом государстве проживает два народа: процентов 70–80 русских и процентов 20 галичан. Остальные народы составляют слишком малый процент, чтобы влиять на его судьбу. Это государство может быть стабильным и обладать хоть какой-то перспективой, только в том случае, если значительная часть (от трети до половины русских) будут считать себя украинцами. На это направлена государственная политика 20 последних лет, когда под лозунгом украинизации и возвращения к историческим корням происходит огаличанивание русских, которые продолжая говорить и мыслить по-русски, начинают идентифицировать себя некими «украинцами» – территориальной общностью, проживающей на южнорусских землях.

Проблема не в том, что они считают, что проживание на определенной территории делает их особой национальностью. Проблема в том, что человек сам выбирает себе наци-

ональность. Карамзины и Кутузовы – роды, которыми справедливо гордится русский народ – татарского происхождения (и таких русских сотни), а есть еще генуэзцы Фрязины, флорентийцы Фиораванти, разные Немчиновы, Турчаниновы и прочие, прочие 100 %-ные русские, явно не русского происхождения, без которых, тем не менее, и русскость была бы какой-то ущербной, неполной. Поэтому дети тех, кто сегодня, из соображений конъюнктуры или по глупости, именует себя украинцами, станут таки 100 %-ными украинцами.

Помешать этому может только реидентификация их, как русских. О том, что русские в Сибири, в Поморье, в центре и на юге несколько отличаются друг от друга (меньше, чем баварцы от прусаков, но отличаются), большая часть русских людей никогда не задумается. И свою общность, и свои отличия они будут ощущать на подсознательном уровне, а не на эмпирическом. И мелкие отличия, никогда не проставят под угрозу эту общность. Точно так же русские могут ощущать себя участниками более широкой славянской общности, не сомневаясь, что с сербами они родня, но все же они русские, а сербы не русские.

Еще раз прошу обратить внимание – большинство граждан Украины, как их ни назови, пока еще русские. Большая часть граждан Сербии – сербы, не русские. Таким образом, рассматривая этнические отношения на Украине сквозь призму «славянского единства», мы создаем условия для дальнейшей галицизации и, в конечном итоге, для превра-

щения Украины в нерусское государство. В таком случае, нечего бороться и надо записываться в «Свободу» к Тягнибоку. Он тоже считает, что, когда все граждане Украины станут такими же «национально-сознательными», как его боевики, а несознательные окажутся за пределами государственных границ, можно будет спокойно дружить, с такими же этнически чистыми братьями-славянами (даже с русскими).

Если мы считаем себя русскими – мы являемся русскими. В таком случае, нам нет необходимости содержать несколько русских государств – России вполне достаточно. Похоже, что наши оппоненты, стремящиеся любой ценой искоренить на Украине русскость, понимают это намного лучше, чем некоторые наши союзники, все еще считающие, что они должны изобрести некую сверхидею, которая объединит русских и галичан, позволив каждому из них оставаться самим собой. Некоторые за двадцать лет так и не смогли понять, что единственный, приемлемый для галичан, способ объединения – ликвидация русскости, иначе их замешанный на русофобии сепаратизм всегда будет находиться под угрозой со стороны подавляющего большинства граждан.

Обратите внимание, галичанам нужно не просто независимое государство, но государство, максимально отделенное от России (таможнями, оборудованными границами, военными блоками). Провокации галицийско-ющенковского режима прямо толкали Россию к введению визового режима

для граждан Украины. Развести подальше, затруднить общение, отделить, разделить, рассорить – задача галичан.

Отсюда вытекает наша задача – вернуть русскость максимальному числу галицизированных русских. Обычный человек далек от теоретических тонкостей. Он может быть только чем-то одним – либо украинцем, либо русским. В этом отношении малороссийскость хороша тем, что она указывает на русские корни, но опасна, поскольку воспринимается многими, как синоним украинскости. Нераздельное и неслиянное триединство хорошо в церкви (там люди не думают – верят), но плохо в политике, где 90 % населения (так называемые простые люди) требуют простых и однозначных решений: либо я русский, либо кто? И тонкости их только запутывают.

Поэтому, если хотим победить, нам надо не выяснять проблемы прошлого, а форматировать будущее. Будущее, в котором не только русские граждане Украины останутся русскими, но и украинизировавшиеся в русскость вернутся. Тогда массой своих голосов мы сможем любые проблемы решить. В том числе и с галичанами, которые вынуждены будут или подчиниться и ассимилироваться, или отделиться, тем самым признав, что именно они – инородное тело на южнорусских землях, иной, не русский народ, пытавшийся создать нацию на основе названия провинции и стать в этой новой нации господствующим классом.

И в одном, и в другом случае мы быстро, бескровно и

навсегда побеждаем. Если же мы и дальше будем цепляться за мертвые концепции, собирающие от одного до пятнадцати адептов и с жаром доказывать каждый свою абсолютную правоту, нас как котят слепых передушат. Политически русские партии на Украине могут объединиться лишь прекратив бессмысленное выяснение чья программа красивее и кто к народу ближе, а просто заявив, что они русские и потому едины именно на основе своей русскости и на основе противостояния галичанству. Точно так же, идеологически русские Украины могут быть объединены только безоговорочным признанием именно своей русскости. Все остальные теоретические тонкости и красоты только разделяют русских, делая их малороссами, новороссами, славянами, советскими и т. д. Притом, что авторы концепций могут понимать условность такого разделения и вводить термины исключительно для полной научной корректности, народ-то к терминам относится серьезно, а мы не наукой занимаемся, а политикой.

Политически же, раз уж можно было на пустом месте вырастить миллионы «украинцев», то и русских можно восстановить, надо только не ждать немедленного результата «уже вчера», а долго и упорно работать, кстати, работать, в основном, в информационной сфере. Поскольку русским не становятся, придя на флешмоб или приняв участие в пикете, русским становятся – лишь осознав себя таковым.

Мы должны показать людям, что они русские, задейство-

вав для этого все медиавозможности. Если с этим справимся хотя бы процентов на семьдесят, остальные вопросы будут решены, если и не автоматически, то предсказуемо.

Поэтому, не плодить этнополитические легенды, а максимально сокращать их количество – вот наша задача.

Глава 8. Формула власти

Из всей длительной демократической, монархической, олигархической, тоталитарной и прочей управленческой практики человечества украинский политический класс сделал единственный ущербный вывод: достаточно путем фальсификаций и обмана объявить о создании суверенного государства, снабдить его конституцией, обеспечить законодательными, исполнительными и судебными органами, гербом, гимном, флагом и чем-то отдаленно напоминающим армию и можно быть уверенным едва ли не в провиденциальной легитимации собственной власти.

На деле это не так. Все перечисленные атрибуты государства – лишь оболочка, внешнее проявление его истинной функции, которой испокон веков являлось обеспечение баланса интересов всех его граждан, классов, сословий, имущественных и социальных слоев. Государство действительно является аппаратом, созданным для организованного применения насилия. Но и банда – точно такой же аппарат. Отличие заключается в том, что банде не требуется легитимация. Ее члены знают то, что их занятие антиобщественно и направлено на удовлетворение исключительно собственных меркантильных интересов. Легитимность государству придает именно общественный договор. Впрочем, согласие общества на самоограничение и передачу части своего сувере-

нитета неким структурам, с целью более полного обеспечения своих экономических и политических интересов в меняющемся мире можно назвать и по-другому, общественный договор – лишь наиболее известное и общепризнанное из возможных наименований.

Таким образом, государство легитимно лишь тогда и до тех пор, пока общество согласно с его существованием. В ином случае в дело вступает формула: «При помощи штыков можно захватить трон, но сидеть на них неудобно».

Особенно большое значение общественная легитимация имеет для государств молодых, в которых большинство населения еще помнит, «как было раньше». Устоявшиеся государства легитимируются самим фактом своего длительного существования, победами и поражениями, пережитыми предыдущими поколениями, в конечном итоге формулой «от добра добра не ищут». Государства молодые должны каждодневно доказывать своим гражданам, что лучше, нежели под их омофором они (граждане) не смогут жить нигде и никогда. Иначе сразу возникает вопрос: «Если мы еще помним, насколько лучше жили без этого государства, то, что мешает нам и дальше жить без него (создать новое, возродить старое, войти в другое)?»

Думаю, не требует доказательств, по причине своей очевидности, утверждение, что украинский политический класс рассматривает государство не как возложенную на него обязанность защищать и балансировать интересы всего обще-

ства, но как доставшуюся ему собственность, обязанную приносить доход. Естественно, такое государство не может быть легитимно в глазах населения и не является таковым.

Националисты так же заявляют о нелегитимности этого государства, как и интернационалисты. Разница между ними заключается лишь в том, что интернационалисты предлагают один логический ряд: в былом государстве (Россия, СССР) жилось лучше – в этом не то, что жить, им управлять-то некому – давайте восстановим общее государство. Националисты предлагают иной логический ряд: государство плохое, но свое – свое отдавать жалко – давайте будем менять лидеров до тех пор, пока не найдется адекватный.

Позиция националистов имела бы право на существование, если бы усилиями украинского политического класса государство не было приведено в такую степень неадекватности собственным задачам, что уже ясно – пока будем методом проб и ошибок искать адекватного лидера, в стране не останется народа. Политический класс полностью (в лице власти, оппозиции и даже отдельных адекватных своих представителей) не пригоден к выполнению задачи управления самостоятельным государством. В лучшем случае они могут управлять районом в провинции.

Но если легитимность политического класса (олигархат, политики и чиновничество), который и являет собой государство, не признается обществом, то нелегитимно и само государство. Атаман банды может править, опираясь лишь

на право силы, президент или монарх не могут. Легитимность последних должна быть подтверждена не только электоральным или небесным мандатом, она должна постоянно подтверждаться готовностью граждан или подданных повиноваться. Если же государственная власть пытается сохраняться и самовоспроизводиться, опираясь лишь на юридическую букву ею же придуманных законов, либо на банальную силу (чаще на то и другое вместе), то дело заканчивается бунтом, революцией или дворцовым переворотом.

Бунт пугает государство. Революция меняет государство. Дворцовый переворот позволяет более адекватной части элиты показать народу новое лицо государства, в надежде вернуть ему общественную легитимацию. Дворцовый переворот самый легкий, самый удобный для элиты способ, пожертвовав частью своих представителей, сохранить целое. Но он требует, во-первых, адекватности хотя бы части элиты, во-вторых, готовности идти на риск. Риск заключается в том, что дворцовый переворот демонстрирует населению наличие раскола в элите, готовность самой элиты к силовому, но не юридическому решению внутреннего спора и подталкивает народ к такому же решению – бунту или революции. Переворот легитимирует насилие, как законный способ смены власти. Поэтому, для придания новому режиму устойчивости, назревшие реформы должны объявляться и начинаться немедленно, уже в день переворота и еще до его завершения.

Украинский политический класс способен на дворцовый переворот. Это показали и «майдан» и предшествовавшие ему неудачные попытки: вначале Павла Лазаренко стать «первым парнем на селе», а затем Ющенко выскочить в и.о. президента на волне «Украины без Кучмы». После «майдана» перевороты и попытки переворотов участились. Разгон парламента в 2007 году – государственный переворот, имеющий все характеристики дворцового: без какого либо участия масс президент поменял группу, контролировавшую главные властные рычаги. Вместо Януковича премьером стала Тимошенко. В 2008 году такой же переворот не удался. В 2010 году не удался еще один переворот – в последний момент Янукович отказался участвовать в коалиции, прозванной ПРИБЮТ и имевшей одной из первоочередных целей импичмент Ющенко.

Характерно, что все эти перевороты готовились практически открыто, а в случае их провала причастные не несли практически никакого наказания. Это еще одно подтверждение того, что политический класс рассматривает государство, как имущественный комплекс, а политическую борьбу, как рейдерство, которое на Украине никогда не было наказуемым. В случаях с рейдерством «правоохранители» говорят, что разбитые головы и захваченные здания – не хулиганство, не бандитизм, не подделка документов, а именно рейдерство, а за рейдерство статьи нет. Точно так же при провале попытки государственного переворота политики все время

говорили о «политическом решении конституционной проблемы».

Понятно, что с посадкой Тимошенко нравы ужесточились и больше уже никто не отделается легким испугом или «политическим решением». Самое, однако, важное в прецеденте Тимошенко, что он ясно показал – политический класс больше не един. Если даже после «майдана» противостоявшие группы политиков пытались играть по одним правилам и противопоставляли себя (в совокупности) народу значительно в большей степени, чем друг другу, то сейчас обозначился четкий водораздел уже внутри самого политического класса. Потеря власти теперь означает не переход в оппозицию или на пенсию, а, во многих случаях – в тюрьму. При этом такие процессы в большей мере будут мотивированы политически (надо показать сторонникам, что слова не брошены на ветер и оппоненты «за все ответили»), чем экономически (как показывает опыт предшествовавших десятилетий, отобрать имущество можно не прибегая к крайностям).

Маховик репрессий, получив первый толчок, не останавливается до тех пор, пока начисто не выметет запусившую его социальную группу. В этом отношении власть и оппозиция равны. При условии, что Украина была бы единым государством, можно было бы не просто констатировать революционную ситуацию, но даже в пределах 12–18 месяцев высчитать момент падения власти нынешнего политического класса. Подчеркиваю, не падения власти Януковича, а рево-

люционного переворота, полностью меняющего систему власти и людей при власти, включая нынешнюю оппозицию.

Однако Украина расколота, и это факт. И две части Украины готовы поддержать кого угодно, лишь бы не допустить прихода к власти ставленника оппонентов. То, что около трети избирателей уже отказывается идти на выборы или готовится голосовать против всех, ничего не меняет. Это только показывает, что протест пока не выливается в активную форму, поскольку отказать в поддержке «своим» = поддержать «чужих».

Даже пассивный протест (путем отказа от участия в выборах или голосования против всех) делегитимирует государство Украина. Ибо, если общество никого не может найти для руководства государством (никому не верит), то политический класс (который и есть государство) теряет право на управление. А поскольку на Украине нет адекватной сменяемой дискредитированному политическому классу (мы знаем против кого мы, но не знаем за кого), то некому релегитимировать государство в глазах граждан.

Такое положение вещей плохо для страны, поскольку угрожает анархией. Если центральная власть теряет легитимность в глазах населения, усиливается значение власти местной и рано или поздно (как это, кстати, случилось в СССР) местная власть выдвигает претензию на автономию, а затем и на суверенитет над своей территорией (иногда при формальном признании власти центра).

В сложившихся на Украине условиях делегитимация власти, хоть и грозящая анархией, выгоднее нам, чем нашим оппонентам. Во-первых, если внутри страны борются две непримиримые группировки, то каждая из них пытается опереться на внешнюю силу. Националисты всегда пытались опереться на связку США-ЕС. Для нас естественным союзником была Россия. Россия уже который год усиливается, а недавно Путин выступил с заявлением о том, что Россия может существовать лишь как многонациональное государство, а это влечет за собой необходимость перехода к реставрации империи. Реставрация же империи невозможна без возвращения утраченных земель, поскольку невозможно объяснить: почему русские Украина и Белоруссия должны быть самостоятельными государствами, а в составе многонациональной России должны оставаться нерусские Якутия и Дагестан.

В то же время союзники наших оппонентов (США и ЕС) слабеют, сталкиваясь с накатывающимися волнами системного кризиса из которого у них нет выхода в рамках существующей модели. К тому же они слишком растянули свои ресурсы (военно-политические и финансово-экономические) по миру, и их уже просто не хватает еще и на Украину.

По сути, Украину от ускоренного дрейфа в сторону России удерживает только политический класс, рассматривающий страну как собственность и не желающий признать свою

подотчетность обществу. Мировая история свидетельствует, что такой политический класс не может существовать долго. Зря оппозиция радуется падению рейтингов регионалов – власть и оппозиция движутся в направлении одной политической помойки.

Мы же должны понять сами и разъяснить нашим сторонникам, что никто не обязан никакой лояльностью квазигосударству, построенному для себя неадекватным политическим классом. Что мы имеем право не только требовать у пришедших к власти политиков исполнения данных нам обещаний и не только давить на весь политический класс в целом, при помощи пикетов, писем, митингов и т. д., но имеем право и вообще отказаться от услуг данного политического класса и даже от услуг созданного им государства. Конституция Украины определяет единственным носителем суверенитета народ (понимая под этим термином всю совокупность граждан страны), а никак не представителей политического класса, или «свидомых патриотов», или «евроатлантистов» и т. д.

Сейчас они спокойно идут на выборы без выбора, поскольку не видят себе альтернативы. Но КПСС тоже не имела альтернативы и была отменена вместе с государством. И наш политический класс тоже может быть отменен вместе с государством. Какая-никакая, а альтернатива.

Глава 9. Цена ошибки

Жозефу Фуше, герцогу Отрантскому, министру полиции императора Наполеона I и Шарлю Морису Талейрану-Перигору, князю Беневентскому, герцогу Дино, бывшему епископу Отенскому, министру иностранных дел того же императора приписывают фразу: «Это хуже, чем преступление, это – ошибка».

Не суть важно, кто именно из них произнес эту фразу – оба упомянутых государственных деятеля по своему масштабу и умению адекватно оценивать политическую ситуацию навсегда внесли себя в список исторических личностей первого ряда. Важна оценка роли ошибки в политике – «хуже преступления».

Действительно, многие политические ошибки оказываются роковыми, хорошо, если только для государственных деятелей, которые лично или по наущению команды эти ошибки допустили. Часто ошибки становятся роковыми и для народов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.